

Лао Цзы Дао Дэ Дзин Трактат о пути и доблести filosoff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> приятного чтения!

Лао Цзы Дао Дэ Цзин Трактат о пути и доблести
§ 1

Пути, которыми ходят, -- не постоянны; имена, которыми называют, -- не неизменны. Начало неба и земли безымянно. Именуемо лишь начало всего существующего. При постоянном отсутствии желаний можно созерцать внутреннее вещей. При постоянном наличии желаний можно созерцать лишь внешнее вещей. Эти два вида знания появляются вместе, но слава им разная. Вместе их можно назвать таинственным постижением. Таинственное постижение этого -- также таинственно, но это -- единственные врата ко всему внутреннему.

§ 2

Когда все в Поднебесной узнают, что красота -- это красота, появляется и уродство. Когда все узнают, что благо -- это благо, появляется и отрицание блага. Ибо явленное и неявленное порождаются друг другом; трудное и легкое взаимно определяются; короткое и длинное формируют друг друга; гармония первого и второго голоса ощущается при их сопоставлении; что раньше, что потом, видно из последовательности. Поэтому мудрец привержен недеянию, осуществляет поучение без слов, и все существующее безотказно исполняет предназначенное. Мудрец порождает, но не обладает; действует, но не ожидает вознаграждения; свершает, но не гордится. И поскольку не гордится сделанным, удерживает при себе все.

§ 3

Если не превозносить мудрость, споры среди людей прекратятся. Если не дорожить редкими вещами, среди людей прекратится воровство. Если не выставлять напоказ привлекательные вещи, сердца не будут смущаться. Поэтому правление мудреца заключается в том, чтобы делать сердца свободными от желаний, утробы -- наполненными, души -- слабыми, а тела -- сильными. Если у народа неизменно отсутствуют знания, отсутствуют желания, можно принудить знающих воздерживаться от деяний. При воздержании от деяний все само собой приходит к порядку.

§ 4

Дао разлито в мире и всем служит. В достатке, но не в избытке. Подобно океану. Оно -- будто предок всего существующего. Затупляет все острое, развязывает все спутанное, умеряет все сверкающее, уподобляет все праху. Подобно пучине. Оно существовало всегда. Я не знаю, чье оно дитя. Оно было раньше божеств-предков.

§ 5

Небу и земле несвойственно быть человеческими, для них все существующее подобно соломенному чучелу пса. Мудрецу также не присуща человечность, для него люди подобны соломенному чучелу пса. Пространство между небом и землей подобно кузнечным мехам -- пустые, они сами по себе не складываются, но если их сжать, -- порождают ветер. Не следует предаваться велеречивости и мудрствованию -- лучше сосредоточиться на своем внутреннем.

§ 6

Ключ в горной лощине не иссякает. Это можно назвать таинственной самочностью. Есть врата таинственной самочности. Это можно назвать корнем неба и земли. Все это прядется как нить, никогда не рвется. Сколько ею ни пользуются, она не кончается.

§ 7

Небо существует долго, у земли почтенный возраст. Небо и земля могут существовать долго и достигать почтенного возраста благодаря тому, что они не сами себя порождают. Поэтому и долговечны. Подобно этому, мудрец ставит себя позади всего, но оказывается первым, отказывается от своего "я", но сохраняет свою индивидуальность. Он может стать тем, что он есть, потому что не хвалится своим бескорытием.

§ 8

Высшее благо подобно воде. Вода способна служить всему существующему, ни с кем не вступая в спор. Она пребывает в тех местах, которые людям ненавистны, в этом приближаясь к дао. При выборе места для жилища самое важное -- разбираться в рельефе; при раздумьях самое главное -- безбрежность; при дарении -- человечность; при речах -- убедительность; при наведении порядка -- умение править; при поступлении на службу -- способности; в предприятиях -- выбор момента. Тот, кто не вступает в спор, никогда не потерпит ущерба.

§ 9

Чем заняться чем-либо и без конца в этом совершенствоваться, лучше оставаться самим собой. Если каким-либо инструментом постоянно работать и постоянно же его точить, его надолго не хватит. Когда золотом и яшмой наполнен внутренний зал, никто не в состоянии будет его охранить. Богатство и знатность в сочетании с гордостью сами по себе навлекают неприятности. Чем больше умножаются заслуги, тем скорее утрачивается собственная индивидуальность. Таково небесное дао.

§ 10

Если займешься созерцанием и душой обнимешь единое, сможешь ли ни на что не отвлекаться? Если сконцентрируешь дыхание и достигнешь предельной гибкости, сможешь ли уподобиться младенцу? Если научишься отрешаться от внешнего и займешься созерцанием таинственного, сможешь ли остаться в здравом рассудке? Если полюбишь народ и наведешь порядок в стране, сможешь ли перенести собственную неизвестность? Наблюдая, как то открываются, то закрываются небесные врата, сможешь ли стать таким же самочным? Обретя ясное понимание и полную компетентность, сможешь ли этим не прославиться? Порождай и вскармливай; порождай, но не обладай; делай, но не жди благодарности, возрастай, но не самовластвуй: это и есть таинственная дэ.

§ 11

Тридцать спиц собираются в одной втулке, но использование

Лао Цзы Дао Дэ Дзин Трактат о пути и доблести filosoff.org повозки зависит от пустоты между ними. Форму и глину применяют при изготовлении сосуда, но использование сосуда зависит от пустоты внутри. Делают дверные проемы и створки дверей, чтобы построить помещение, но использование помещения зависит от внутреннего пространства. Получается, что оплачивают то, что есть, пользуются же тем, чего нет.

§ 12

От пяти цветов рябит в глазах, от пяти тонов шумит в ушах, от пяти вкусов вяжет во рту. Это как верховая охота, от которой люди чуть не сходят с ума, или редкие вещи, ради которых они готовы на все. Поэтому мудрец старается потрафить своему желудку, отнюдь не глазам. Он отвергает недоступное и занимается доступным.

§ 13

Великий почет и великий позор равно приводят в трепет. Знатность и величие опасны для собственного "я". Что я имею в виду, когда говорю, что великий почет и великий позор равно приводят в трепет? Позор -- это самое худшее; трепещут и когда подвергаются этому, и когда избавляются от этого. Поэтому и говорится: великий почет и великий позор равно приводят в трепет. Что я имею в виду, когда говорю, что знатность и величие опасны для собственного "я"? Обладая этим "я", я обладаю тем, что может подвергнуться большой опасности. Если бы у меня не было "я", как бы я мог пострадать? Поэтому драгоценно, когда от своего "я" отказываются, чтобы заняться Поднебесной; на такого Поднебесная может положиться. Но если кто на самого себя смотрит как на Поднебесную, -- такой заслуживает, чтобы ему Поднебесную вручили.

§ 14

Смотришь на него, но ничего не видно, -- это можно назвать тончайшим. Слушаешь его, но ничего не слышно, -- это можно назвать тишайшим. Берешь его, но в руке ничего нет, -- это можно назвать субтильнейшим. Эти три невозможно назвать одним словом, поэтому вместе я называю их единением. Сверху оно не освещено, снизу не затемнено. Никакие усилия не помогают найти этому имя. Оно снова там, где еще нет отдельных вещей. Это можно назвать формой без форм, образом предмирного. Это называется темным-неясным. Ни спереди, ни сзади не видно ни его начала, ни его конца. Если держаться этого древнего дао, с тем чтобы с его помощью править тем, что ныне, -- можно познать начало древности. Это можно назвать правильным применением дао.

§ 15

В древности те, кто был искусен в обращении с дао, становились тонкими и женственными и проникали в таинственное. Глубина их была такова, что никто не мог ее постичь. А поскольку не могли постичь, силились найти ей образное определение типа: "Робко, словно зимой переходишь поток. Осторожно, словно опасешься всех соседей. Строго, словно боишься расплескать. Опасливо, как на тающем льду. Просто, как необработанное дерево. Просторно, как горное ущелье. Смутно, как взбаламученная вода". Но кто умел очищать эту замутненную гь, успокаивался и достигал прозрачности. И кто умел оставаться в покое достаточно долго, затем мог начинать потихоньку действовать и порождать. Кто держался этого пути, уже не желал переполненности. Когда не желают переполняться, способны в силу

Лао Цзы Дао Дэ Дзин Трактат о пути и доблести filosoff.org
этого оставаться в тени и не стремиться выглядеть как только что преуспевшие.

§ 16

Когда становишься предельно свободным от желаний и совершенно неподвижным в спокойствии, все вещи исполняют предназначенное, и можно созерцать их возвращение. Вещи ведь пышно распускаются, но каждая неизменно возвращается к собственному корню. Возвращение к корню называется успокоенностью. Это то, что зовется исполнением судьбы. Исполнение "удьбы называется долголетием. Знание неизменного называется ясностью ума. Незнание неизменного -- помрачение. От помрачения все преступления. Знание неизменного -- постижение. От постижения -- понимание того, что есть общее благо. От понимания общего блага -- способность быть царем. От способности быть царем -- способность быть как небо. Как небо, значит, как дао. Как дао, значит, долговечно: отказавшись от себя, не зная смерти.

§ 17

Самое лучшее -- пребывая внизу, знать, что оно есть. Хуже, фамильярничая, восхвалять его. Еще хуже его бояться. И самое плохое -- им пренебрегать. Если доверия недостаточно, как не явиться недоверию? Как это все печально! Ведь эти слова надо бы ценить. Но когда есть свершения и награды, успех в делах, люди говорят: "Мы сами по себе".

§ 18

Когда великое дао отбросили, появились человеколюбие и верность должному. Когда явились ум и рассудок, начался великий обман. Когда родственники шести степеней перестали быть в ладу, появились "сыновья почтительность" и "отеческая любовь". Когда в царствах пошли нестроения и смуты, появились и "честные подданные".

§ 19

Нужно отказаться от мудрости и отринуть рассудочность: народу это принесет многие выгоды. Нужно отказаться от человечности и отринуть верность должному: народ тогда вернется к подлинным сыновней почтительности и отеческой любви. Нужно отказаться от чрезмерной искусности и отринуть погоню за выгодой: тогда исчезнут грабежи и воровство. Эти три условия нужно выполнить -- тогда можно будет заняться вэнь. Если же этого будет недостаточно, можно будет добавить второстепенное: подобную некрашеному шелку внешнюю простоту, приверженность подобной необработанному дереву безыскусности, умаление собственных интересов, сокращение своих желаний.

§ 20

Прекрати учение -- не станет забот! Одобрение или осуждение -- не все ли равно? Прекрасное или безобразное -- какая между ними разница? То, чего опасается один, не может быть не страшно для другого. Я же остаюсь неясным, как будто еще не определившимся. Все ликуют, как будто присутствуют при великой жертве тай-лао, как будто весной поднимаются по ступеням храма. Один я остаюсь безучастным и

Лао Цзы Дао Дэ Дзин Трактат о пути и доблести filosoff.org никак себя не проявляющим -- как младенец, еще не научившийся улыбаться. Остаюсь на месте, как будто мне некуда идти. Все стараются побольше приобрести, один я все оставляю -- у меня ум глупца. Неясный-смутный. Все сияют, один я темен. Все любознательны, один я безразличен. Пресный, ум мой подобен морю: туманный, как бы не могущий ни на чем остановиться. У всех есть чем заняться, один я смотрю на все это со стороны. Один я не похож на других -- ценю лишь кормящую меня мать.

§ 21

Великая дэ такова, что только и слышно о морали да послушании. Когда же дао занимается вещами, оно остается туманным и неясным. Но хотя оно неясно и туманно, в нем заключены образы вещей! И хотя оно туманно и неясно, в нем содержатся вещи! И хотя оно непроницаемо и темно, в нем заключено семя вещей! Это семя обладает высшей подлинностью и внушает к себе полное доверие. С самой древности и по сей день имя его остается неизменным. Когда смотришь на него, оно напоминает огромную сеть. Откуда мне известно, что оно подобно огромной сети? Известно.

§ 22

Продавишь -- выровняется, согнешь -- выпрямится, ковырнешь -- заплывет, засушишь -- вырастет в новом месте. Уменьшишь -- добавится, дополнишь -- убавится. Поэтому мудрец привержен единому: служить Поднебесной образцом. Он не показывает себя и поэтому всем ясен; не настаивает на своей правоте и потому ею сияет; не грозит никому и потому приобретает заслуги; не возвеличивает себя и потому первенствует. Это означает: ни с кем не вступай в спор и не найдешь соперника в Поднебесной. Это именно то, что в древности называлось "оставаться в целостности благодаря ущербности". Разве это пустые слова? К тому, кто искренен и целен, все устремляются без призывов, как бы сами собой.

§ 23

Сильный ветер не продержится все утро. Ливня не хватит на целый день. Отчего так? Это ведь природа! Но если даже небо с землей не способны долго пребывать в одном состоянии, что же говорить о людях! Поэтому кто посвятил себя работе с дао, отождествляет себя с дао. Кто занят работой с дэ -- отождествляет себя с дэ. Кто желает затеряться -- отождествляет себя с потерянностью для мира. Но вот некто, отождествляя себя с дао, желает через дао приблизиться и к дэ. А кто отождествляет себя с дэ, тот стремится через дэ к приобретению большей дэ. А кто отождествляет себя с потерянностью для мира, что-то приобретает через эту "потерянность". Так что недостаток искренности неизбежно ведет к разным подозрениям.

§ 24

Кто поднимается на цыпочки, долго не простоит. Кто расставит ноги, быстро не побежит. Того, кто сам себя выставляет напоказ, не сочтут действительно умным. И того, кто сам считает себя во всем правым, искренне хвалить не будут. Кто сам нападает, у того не будет подвигов. И кто сам себя возвеличивает, первенствовать по праву не сможет. Так устроен путь. Недаром говорится: "Явное обжорство и излишне свободные манеры -- кому они могут быть по нраву?" Поэтому владеющие дао всего этого избегают.

§ 25

Существует вещь туманная, но в себевершенная, рожденная прежде неба и земли. Безмолвная и безвидная, она стоит особняком и не изменяется. Совершает обращение и не прекращается. Ее можно считать прародительницей Поднебесной. Я не знаю ее имени. Если назвать ее словом, придется сказать: "путь". Если постараться дать ей определение, придется сказать: "величайшая". "Величайшая", значит, "уходящая". "Уходящая", значит, "удаляющаяся". "Удаляющаяся", значит, "возвращающаяся". "Величайшие" только путь, небо, земля и правитель. В нашей юдоли лишь эти четверо по-настоящему велики, и правитель среди них -- первый. Люди зависят от земли, земля -- от неба, небо -- от дао, и лишь дао -- от самого себя.

§ 26

Тяжелое всегда служит основанием легкому. Спокойствие всегда преобладает над суетливостью. Вследствие этого благородный муж во все дни только и делает, что старается быть спокойным-основательным. Даже если предоставляется возможность прославиться, он остается в высшей степени осмотрительным. Тем более это приличествует повелителю десяти тысяч колесниц: для него собственная персона куда важнее Поднебесной. Легкость в основании ведет к падению; суетливость в делах -- к утрате власти.

§ 27

Умелый возничий не нуждается в проложенной колее. Умелый оратор не нуждается в риторических фигурах. Умелому счетчику не нужны счетные палочки. Умелый привратник запрет ворота и без засовов так, что никому не открыть. Умеющий связывать сделает это и без веревки так, что никому не развязать. Поэтому мудрец неизменно искусен в спасении людей, и для него нет пропащих; неизменно искусен в спасении вещей, и потому для него нет ничего ненужного. Это называется -- просвещенный ум. Ибо умелые в обращении с людьми ценят в людях воспитание; неумелые в обращении с людьми ценят хотя бы их способности. Если же не ценят из-за воспитания, не любят из-за способностей, то и при наличии знаний впадают в крайнее заблуждение. Это уже называется излишней самоуверенностью.

§ 28

Кто, сознавая свою мужественность, хранит свою женственность, становится руслом для Поднебесной. Становясь руслом для Поднебесной, остается неизменным в да, ни в чем от нее не отступая. Оставаясь неизменным в дэ, ни в чем от нее не отступая, вновь возвращается к младенчеству. Кто, сознавая свою светлость, сохраняет свою темность, становится образцом для Поднебесной. Становясь образцом для Поднебесной, остается неизменным в дэ, ни в чем против нее не погрешая. Оставаясь неизменным в дэ, ни в чем против нее не погрешая, вновь возвращается к беспредельному. Кто, сознавая свою способность прославиться, хранит свою ничтожность, становится ложем для Поднебесной. Становясь ложем для Поднебесной, остается неизменным в дэ, ею преисполняясь. Оставаясь неизменным в дэ и ею преисполняясь, вновь возвращается к подобной необработанному дереву простоте. Если же эту простоту утрачивает, из него делают что-нибудь вроде плошки; случись такое с мудрецом -- станет каким-нибудь "начальством". Потому что цельное изделие невозможно получить посредством резьбы.

§ 29

Когда некто собирается захватить Поднебесную и берется за это, мне совершенно ясно, что у него ничего не выйдет. Поднебесная -- нуминозная вещь, с ней ничего нельзя сделать по собственному почину. Кто попытается -- потерпит поражение; насильно удерживающий всегда ее теряет. Вещи таковы, что одни движутся сами по себе, другие за ними следуют; одни всхлипывают, другие присвистывают; одни пыжатыся, другие уступают; одни проигрывают, другие преуспевают. Поэтому мудрец избегает излишних напористости, расточительности, великодушия.

§ 30

Если властителю людей помогают владеющие дао, они не станут рекомендовать покорение Поднебесной с помощью войска: от этих дел лучше держаться подальше. Там, куда приходит армия, вырастают чертополох и бурьян. После большой войны всегда следуют неурожайные годы. Благо поэтому заключено в том, чтобы довольствоваться имеющимся, вот и все. Не следует стремиться к большему могуществу. Довольствуйся имеющимся и не гордись; довольствуйся имеющимся и не возносись; довольствуйся имеющимся и не нападай; довольствуйся имеющимся и не зарься на чужое. Это называется: "довольствоваться имеющимся и не прибегать к силе". Когда вещь входит в силу, это означает, что она на пороге дряхлости. Это называется: "отойти от пути". И означает скорый конец.

§ 31

Войско -- не самое лучшее средство; оно всем ненавистно. Поэтому владеющие дао стараются к нему не прибегать. Когда правитель в силе, в почете гражданские дела и лица; когда же доходит до войны, в почете военные. Так что военные действия -- не средство для благородного мужа; худшим же средством можно пользоваться лишь тогда, когда не остается ничего другого. Лучше всего оставаться спокойным и бесстрастным. Одерживать победы, но не любоваться этим: это было бы все равно что радоваться смертоубийству. Когда радуются смертоубийству, не находят сочувствия в Поднебесной. Поэтому когда все благоприятно, на первом месте дела и лица гражданские; когда нависает смертельная угроза, выдвигаются дела и лица военные. Кто старается избежать использования войска и военных, благоволит гражданским; кто, наоборот, склонен к использованию силы, благоволит военным. Как говорится, если бестрепетно относиться к погребальному обряду, многие расстанутся с жизнью; если же скорбеть и печаловаться по каждому, победа в войне будет скорой. Так что все определяется отношением к погребальному обряду.

§ 32

Дао неизменно и безмянно. Простотой сродни необработанному дереву, и, хотя мало, никто в Поднебесной не посмеет счесть его своим подданным. Если бы цари и правители сумели держаться того же, к ним сами собой обратились бы все вещи. Небо и земля соединяются в гармонии, и тогда выпадают сладкие росы. Народ не может этим управлять, он к этому приспособливается. Начинается создание чего-либо с присвоения ему имени; то, что названо по имени, уже как бы существует. Но нужно также знать, что на этом нужно остановиться; знать, когда остановиться, означает избежать беды. Об этом говорят так: дао заполняет Поднебесную подобно тому, как реки и моря

Лао Цзы Дао Дэ Дзин Трактат о пути и доблести filosoff.org заполняют русла и межгорья.

§ 33

Знающий других -- умен; знающий себя -- мудр. Побеждающий других силен, побеждающий себя -- могуществен. Кто знает, когда остановиться, богат. Кто достаточно силен, чтобы осуществить задуманное, -- обладает волей. Кто не покидает своего места -- долголетен. Кто не исчезает после смерти -- долговечен.

§ 34

Великий путь подобен паводку: может находить русло слева или справа. Все вещи полагаются на него, благодаря ему рождаются каждая в свой срок. Вырастают, свершают, преуспевают каждая в своем, но ни на одну из них путь не претендует. Он одевает и вскармливает все вещи, но ни одной не владеет. Потому при неизменном отсутствии желаний можно именоваться малейшим, и все равно все вещи к тебе обратятся, потому что ты не будешь претендовать на то, чтобы ими владеть. Можно именоваться и величайшим, но что делает мудреца по-настоящему великим, так это то, что он ни к какому величию не стремится. Поэтому и способен стать поистине великим.

§ 35

К тому, кто являет собой великий образ, устремляется вся Поднебесная. Устремляясь и не подвергаясь никакому ущербу, пребывает в безопасности и спокойствии. Так, радуясь запаху яств, останавливаются на постой заезжие купцы. О проявлениях же дао говорят: "Сколь пресно и безвкусно! Смотришь на него, и ничего не видишь; вслушиваешься, и ничего не слышишь". Польза же от него -- неисчерпаема.

§ 36

Кто желает вдохнуть, непременно должен сначала выдохнуть. Кто желает ослабить, непременно должен сначала укрепить. Кто желает избавиться от чего-либо, непременно должен сначала это возвысить. Кто желает что-либо захватить, непременно должен сначала от этого отказаться. Это и называется тончайшим знанием: гибкое берет верх над жестким; слабое -- над сильным. Рыба должна держаться на глубине. Так и в государстве: его самое острое оружие должно быть скрыто от людских взоров.

§ 37

Дао неизменно в недеянии, но нет ничего, что бы им не совершалось. Если бы хоу и ваны держались бы того же принципа, вещи сами по себе изменялись бы к лучшему. Изменяясь к лучшему, они стремились бы к совершению должного. Тогда мы утвердились бы в неизреченной простоте, подобной необработанному дереву. Утвердившись в подобной необработанному дереву неизреченной простоте, мы не знали бы ничего неподобающего. Незнание неподобающего привело бы к спокойствию, в котором Поднебесная исправилась бы сама собой.

§ 38

Высшая дэ не похожа на дэ; благодаря этому она и есть дэ. Низшая дэ опасается -- как бы себя не уронить; поэтому она и не есть дэ. Высшая дэ ничем не занята специально, но нет ничего, что бы ею не совершалось. Низшая дэ занимается всем, но у нее всегда что-нибудь недоделано. У высшей человечности много дел, но ни одно не остается без исполнения; у высшего долга тоже много дел, но вечно что-нибудь не исполнено. Высший же ритуал, которому вроде бы тоже до всего есть дело, вообще никем не принимается всерьез: при первом же удобном случае его отбрасывают без всяких сомнений. Так что утрата дао влечет появление дэ, утрата дэ -- появление человечности, утрата человечности -- появление долга, утрата долга -- появление ритуала. Ритуал же знаменует окончательную утрату взаимного доверия и начало всякой смуты. Кто ясно видит заранее эту последовательность, тот становится украшением пути; это начало отказа от банального ума. Ясно, что так называемые великие мужи замечают лишь очевидное, но не видят ничего тонкого; их интересуют вещи, а не мысли. Поэтому они хватаются за близкое и упускают дальнейшее.

§ 39

В древности было то, что называется "обретением единого". Небо, обретая единое, стало чистым-прозрачным; земля, обретая единое, стала твердой-покойной. Божества-предки, обретая единое, становились чудесными-явленными; обитаемые ими горные долины исполненными чудесного. Все вещи, обретая единое, становились способными к порождению себе подобных; хоу и ваны, обретая единое, могли наводить порядок в Поднебесной. Причиной всему этому было единое. Потому что, не будь оно чистым-прозрачным, небо расколосось бы; не будь она твердой-покойной, земля развалилась бы. Божества-предки, не будь они чудесными-явленными, оказались бы забыты; горные долины, не будь они исполненными чудесного, опустели бы; и все вещи, не порождая они себе подобных, прекратили бы существование. Да и хоу и ваны, лишись они благородства и возвышенности, утратили бы свое положение. Так уж всегда: основой знатного служит незнатное, как основой высокого -- низкое. Потому-то хоу и ваны и зовут себя "несчастливыми" да "сиротами". Что же они, и в самом деле самые незнатные? Нет, конечно. "Ведет множество колесниц не такая же колесница". Просто надо "не жалованье по рангу ценить, как драгоценную яшму, а на редкое сокровище смотреть, как на обычный камень".

§ 40

Дао действует так, что все время возвращает к началу; кто желает использовать его, должен уподобиться слабому. Вещи Поднебесной рождаются в явленном, но само явленное рождается в неявленном.

§ 41

Когда высокий муж слышит о пути, он без колебаний следует ему. Когда средних достоинств муж слышит о пути, он не знает, жить ему или умереть. Когда о пути слышит муж заурядный, он громко хохочет. Но если бы над дао не потешались, это уже не был бы путь! Поэтому-то о нем часто и говорят в таких выражениях: "ясность пути подобна туману"; "продвижение по пути подобно отходу назад"; "необычайное дао выглядит банальным"; "высшая дэ как горное ущелье"; "великая чистота подобна бесчестью"; "в широчайшей дэ будто чего-то не хватает"; "утверждение дэ подобно проигрышу"; "в естественности и прямоте есть что-то от лукавства"; "у величайшего квадрата углы не прямые"; "большой сосуд долго делается"; "великий звук трудно услышать ухом"; "у великого образа нет определенной формы". Сам по

Лао Цзы Дао Дэ Дзин Трактат о пути и доблести filosoff.org себе путь скрытен и безымянен; но только то, что следует ему, может благополучно начинаться и завершаться.

§ 42

Дао рождает единое; единое рождает двух; двое рожают третьего. Эти трое порождают все существующее. Все существующее несет на себе инь и обнимает ян. Разливая в мире ци, все приводит к гармонии. В Поднебесной всем ненавистны вещи, называемые "сиротство", "вдовство", "бесталанность", но ваны и гуны только так себя и именуют. С вещами всегда так: кто умалется, приобретает; кто стремится приобрести, утрачивает. Так учат люди; тому же учу и я: "сильный и отважный не умирает своей смертью". Вот это-то и есть главное в моем учении.

§ 43

Самое податливое в Поднебесной всегда подчиняет себе самое жесткое. Это как явленное и неявленное: вступая в не имеющее промежутка, я тем самым постигаю, в чем преимущество недеяния. Это и есть поучение без речей: опытное постижение преимуществ недеяния. Только мало кто в Поднебесной способен это постичь.

§44

Подумаем, что дороже -- слава или здоровье? Что важнее -- душевное здоровье или вещи? Что хуже -- обрести жизнь или погибнуть? Поэтому-то и говорится: "Если что-то слишком любишь, трудно с этим расстаться; если много скопил, много и пропадет!" Не узнает же позора тот, кто умеет довольствоваться малым; и кто знает, когда остановиться, раньше времени не умрет. Только так и можно достичь долголетия.

§ 45

Великая завершенность подобна некоей ущербности, но в использовании ни в чем не обнаруживает недостатка. Великая наполненность подобна некоей развитости, но в применении оказывается неисчерпаемой. В великой прямоте как бы некая кривизна, великое мастерство кажется неумением, великое красноречие -- косноязычием. Тот, кто движется, одолевает холод; кто остается неподвижным, одолевает жару. Чисто-прохладный, неподвижно-спокойный, такой может послужить образцом для всей Поднебесной!

§ 46

Когда в Поднебесной есть дао, боевых коней отпускают удобрять поля; когда в Поднебесной нет дао, кобылы варваров жеребятся в столичных предместьях. Нет большего преступления, чем давать волю своим страстям, и нет большей беды, чем не знать ни в чем меры. Нет такой напасти, которая не приходила бы через страсть к приобретению. И только знание достаточности достаточного ведет к постоянному достатку.

§ 47

Лао Цзы Дао Дэ Дзин Трактат о пути и доблести filosoff.org
Поднебесную можно познать не выходя со двора, не выглядывая в окно. Нужно просто увидеть небесный путь. Его исток бесконечно далек, но знание о нем бесконечно просто. Так что мудрец познает, ничем не занимаясь; видит, ни на что не глядя; совершает, ничего не делая.

§48

Кто занят учением, что ни день приобретает; кто займется дао, будет что ни день терять. Так, от потери к потере, достигается полное недеяние. При полном недеянии ничто не остается невыполненным. Если кто задумает овладеть Поднебесной, ему нужно навсегда отказаться от всяких дел. Потому что, занявшись делами, он никогда не найдет времени для приобретения Поднебесной.

§ 49

У мудреца нет собственных идей, он использует в качестве таковых мысли простонародья. Я благорасположен к тому, что заслуживает благорасположения, но также благорасположен к тому, что такого благорасположения не заслуживает, ибо ценно само благорасположение. Я верю тому, чему следует верить, а также и тому, чему верить не стоит, ибо ценно само доверие. Мудрец ведь в Поднебесной будто чокнутый, ради Поднебесной подвинувшийся умом. Люди идут к нему за советом, а он встречает всех младенческой улыбкой.

§ 50

Выходя в жизнь, мы тем самым вступаем в смерть. Тринадцать органов являются причинами жизни, и те же тринадцать -- причинами смерти. Жизнь человека устроена так, что любое использование им этих тринадцати неизбежно ведет к смерти. Почему так происходит? Потому что в жизни изживается сама жизнь. Правда, я слышал, что тот, кто искусен в жизни, путешествуя по земле, не встречает ни носорога, ни тигра, а оказываясь среди войска, не становится мишенью латников. Потому что носорогу некуда вонзить в него свой рог, тигру некуда наложить свои когти, латнику некуда поразить его острием. Это оттого, что он вне пространства смерти.

§ 51

Дао рождает их, дэ их вскармливает, природное предназначение придает им форму, природные условия приводят их в заверченный вид. По этой причине и нет среди всех этих вещей такой, что не почитала бы дао, не возвеличивала бы дэ. Ведь только они не подвержены никаким повелениям, но неизменно остаются подобными самим себе. Так что сказано: "дао рождает, дэ вскармливает, выращивает, воспитывает, сохраняет, излечивает, питает, оберегает". И при этом рождает, но не обладает, наделяет, но не ждет благодарности, возвращает, но не употребляет себе на пользу. Это-то и называется таинственной дэ.

§ 52

У Поднебесной есть начало. Его можно назвать матерью Поднебесной. Тот, кто постиг мать, тем более узнает ее чад. Кто узнает ее чада, тем более будет склонен хранить их мать. Откажется от своего "я" и тем избежит гибели. Прекратит связи с внешним, затворит

Лао Цзы Дао Дэ Дзин Трактат о пути и доблести filosoff.org свои врата и до конца останется безучастным. Ибо тот, кто поддерживает связь с внешним, вечно суетится и до конца не обретает покоя. Видение малого -- привилегия только ясного ума; умение оставаться гибким доступно лишь подлинной силе. Тот, кто умеет просветиться изнутри, непременно придет и к подлинной ясности ума. Он уже не будет зависеть от своего несчастного "я". Такой и зовется: "овладевший неизменным".

§ 53

Если, положим, у меня было бы подлинное знание: пустился бы по великому пути, всеми деяниями своими внушал бы трепет... Но великий путь очень незаметен, поэтому народ и предпочитает проторенные дороги. Чем пышнее дворец, тем запущеннее поля и пустее амбары. Когда носят разукрашенные одежды, на поясах -- острые мечи, когда брезгают обычной едой и питьем, а деньгами считают лишь огромные суммы, -- это уже грабёж и бесстыдство. А никакой не путь.

§ 54

То, что хорошо установлено, не свалят; то, что хорошо внушено, не забудут: и сыновья и внуки будут возносить жертвы и молитвы беспрестанно. Кто исправил себя, у того, значит, есть воля; кто исправил семью, у того, значит, хватает воли на семью; кто навел порядок в волости, у того -- силы как раз на волость; кто управился с царством -- у того сил еще больше. Кто навел порядок в Поднебесной -- обладает силой уникальной. Так и идет: у кого сил лишь на себя, занимается собой; у кого есть силы еще и на семью -- семьей; у кого

на волость -- волостью; у кого на царство -- царством; у кого -- на Поднебесную -- правит Поднебесной. А то как бы мы узнали, что в Поднебесной все как надо? Вот из этих вот рассуждений.

§ 55

Того, в ком высшая дэ, я уподобил бы новорожденному: осы и ядовитые змеи его не жалят, дикие звери -- не кусают, хищные птицы -- не когтят. Кости у него мягкие, члены гибкие, но Хватка крепкая. Не зная союза полов, он готов к нему: в нем огромная энергия. Кричит целый день и не охрипнет. Он предельно гармоничен. Понимание необходимости единения неизменно; понимание неизменности этого говорит о ясности ума. Продолжение жизни всегда благой знак. Ум, управляющий энергией, дает могущество. Вещи, достигая расцвета сил, клонятся к старости. Все это следует назвать отходом от пути. Отход от пути ведет к ранней кончине.

§ 56

Постигший не рассуждает; рассуждающий -- не постиг. Кто не дает воли своей печали, отгораживается от мира, умеряет свой блеск, уподобляется простой пыли, затупляет свою остроту, выпутывается из своих дум -- о том правильно говорится: "достиг таинственного единения". Такого невозможно по произволу приблизить, но нельзя по произволу и отдалить; нельзя одарить, но нельзя и обездолить; невозможно возвысить, но нельзя и унижить. Поэтому такой -- драгоценность для Поднебесной.

§ 57

Страной управляют с помощью праведности, пользуясь войском лишь в крайнем случае, поскольку Поднебесную приобретают, не занимаясь другими делами. Откуда мне это известно? Когда в Поднебесной много запретов и ограничений, народ становится все беднее и все больше тянется к оружию. В стране тогда наступает неразбериха, люди становятся все более изощренными. Их изобретательности нет предела, поэтому законы все множатся, а злодеев не становится меньше. Поэтому мудрецы и говорят: "Пребывай в недеянии, и народ сам собой исправится; оставайся в спокойствии, и народ сам придет к верному; не вникай в частности, и народ сам начнет богатеть; не давай воли страстям, и народ сам вернется к безыскусности".

§ 58

У того, чье правление как бы небрежно, народ благоденствует. У того, чье правление строго, народ в сплошных недоимках. От этого зависят счастье и несчастье. То, чем определяется счастье и несчастье, -- знание предела. Там, где отсутствует праведность, ее проявление воспринимается как диковина. Доброта там хуже убийства. Таково заблуждение людей! Если такое длится, это уже становится привычкой. Посему мудрец прям и неподатлив; скромн и серьезен; справедлив и беспристрастен; ясен, но не блестящ.

§ 59

В управлении людьми, как и в служении естеству, нет ничего полезнее умеренности. Понимание важности умеренности ведет к тому, что называют "ранней ответственностью". Под "ранней ответственностью" подразумевается серьезное отношение к собиранию внутренней силы дэ. Накопившему дэ нет преград. Когда нет преград, неизвестно, до какого предела мощи можно продвинуться. Когда сам не знаешь, до какого предела мощи можно продвинуться, самое время овладеть страной. Овладев же корнем всякой власти, можно тем самым рассчитывать на долговечность. Это называют "углублением корня и укреплением основания". Это и есть путь к долгой и прекрасной жизни.

§ 60

Править большим царством так же хлопотно, как готовить мелкую рыбешку. Если же править Поднебесной с оглядкой на дао, тогда божества-предки не будут иметь повода проявлять свою чудесную силу. Тут дело не в том, что они вообще ее не проявляют, просто ее проявления не затрагивают людей. И даже не только не затрагивают простых людей, -- они и мудрецам не доставляют хлопот. Когда же эти две стороны не доставляют хлопот друг другу, их силы дэ сообщаются и действуют заодно.

§ 61

Что делает государство великим, так это готовность подчиниться течению дел. Нужно ладить с Поднебесной, как женщина ладит с мужчиной. Самка неизменно избирает пассивность, чтобы одержать верх над самцом именно этой своей покорностью. Поэтому лучше всего идти за ходом событий. Так, великое царство, ставящее себя ниже малого, неизменно приобретает власть над ним, и наоборот: малое царство, принижающее себя перед великим, в конце может и возобладать. В одном случае принижают себя нарочито, в другом -- по

Лао Цзы Дао Дэ Дзин Трактат о пути и доблести filosoff.org необходимости, но результат один. Ведь и великому царству нужны способные слуги, и малое царство нуждается в достойных покровителях: каждый, следовательно, обретает желаемое. Так что величие обретается покорностью обстоятельствам.

§ 62

Для всего существующего путь -- самое непонятное. Люди, склонные ко благу, ценят его как сокровище; люди, склонные ко злу, стараются от него укрыться. Красивыми рассуждениями можно попытаться что-то скрыть от людей, равно как и показной респектабельностью, но если уж в человеке нет добра, такими уловками его не приобретешь. Так что можно стать хоть сыном неба и, в окружении трех гунов, со всеми яшмовыми регалиями, несомыми впереди, следовать за запряженным четверкой экипажем, но лучше уж оставаться на своем месте. Тех, кто был способен на это, особенно ценили в старые времена, -- считали, что это и есть приближение к пути. Тогда люди не стремились к приобретению, а страшились впасть в беззаконие. Такие и были драгоценны для Поднебесной.

§ 63

Если чем и заниматься, так надеянием; если что и делать, так бездельничать; если чем и лакомиться, так чем-нибудь безвкусным. Будешь великим или малым, состоятельным или нищим -- все зависит от того, как проявится внутренняя. Даже к самому простому нужно подходить так, как будто это -- самое сложное; даже в самом великом деле нужно вникать во все мелочи. В Поднебесной все трудности от того, что кажется легким; и все большие проблемы от невнимания к мелочам. Поэтому мудрец старается не заниматься великими делами, в чем и состоит для него возможность достичь подлинного величия. Тому, кто легко обещает, и веры большой не будет. Такой толкует о том, как все просто, а потом одни проблемы. Мудрец, напротив, только и думает о трудностях, потому ему все легко и удается.

§ 64

Вообще-то он спокоен и легко ко всему относится. Внешне не проявляется, но полон замыслов. Хрупок и легко поддается. Слаб и как бы рассеян. За него никак не возьмется. Его не привести в порядок, потому что он не беспорядочен. Дерево в обхват начинается с тонкой былинки. Башня в девять ярусов возводится из горстки земли. Путь в тысячу ли начинается с первого шага. Только вот никак не получается найти это самое начало: кажется, схватил, а в руках -- ничего. Поэтому мудрец ни за что и не берется, чтобы не понести ущерба; ни за чем не гонится, чтобы не остаться с пустыми руками. В народе ведь постоянно что-нибудь затевают, но обычно перед самым завершением все рушится. Потому что окончание требует не меньшего внимания, чем начало, -- тогда и дело сладится. Так что мудрец больше всего желает ничего не желать и не ценит того, что достается с трудом. Он учится ничему не учиться, обращает внимание на то, мимо чего другие проходят, и держится пути, которым идут вещи сами по себе. И ни во что не вмешивается.

§ 65

В старину те, кто был искусен в дао, не просвещали народ, а оставляли его в счастливом неведении. Народом трудно править, когда у него много знаний. Поэтому когда страной правят с помощью знаний, это беда для страны. Когда же страной правят без участия острого

Лао Цзы Дао Дэ Дзин Трактат о пути и доблести filosoff.org умов, это для нее благотворно. Кто понимает эти вещи, склоняется к более разумной альтернативе, и если он постоянно ее придерживается, он, можно сказать, овладевает таинственной силой. Эта таинственная сила -- дэ, глубочайшая, удаленнейшая. Но вещи тянутся к ней и, когда достигают -- во всем ей покорны.

§ 66

Реки и моря способны заполнить любое ущелье потому, что они охотно текут вниз. Так и мудрец: желая возвыситься над людьми, он должен в речах ставить себя ниже всех; желая быть впереди народа, он должен ставить себя позади других. Тогда народ, видя его наверху, особо не возражает; обнаруживая его впереди, особо не огорчается. Напротив, все в Поднебесной радуются его успехам и вполне им довольны. Это потому, что он ни с кем не соперничает, -- и в Поднебесной, таким образом, ему нет соперников.

§ 67

Даже если вся Поднебесная назовет меня великим, я таковым себя не сочту. Именно потому, что сам себя таким не считаю, могу достичь величия. Если же представить, что я приму это величание, -- много ли времени пройдет, прежде чем от этой славы ничего не останется? У меня только три сокровища, которыми я дорожу и никогда с ними не расстанусь: первое -- отеческая любовь; второе -- умеренность; третье -- нежелание первенства в Поднебесной. Любовь придает храбрость, умеренность дает возможность быть щедрым, отказ от первенства -- власть над вещами. Так что даже при утрате любви остается храбрость, при утрате умеренности -- широта, при потере скромности -- первенство. И даже если грозит смерть, присутствие любви всякое сражение завершит победой, а всякую привязанность оставит прочной. Этому помогает само небо, поскольку и ему присуща отеческая любовь.

§ 68

Кто умеет служить -- не воинствен; кто умеет сражаться -- не гневен; кто умеет побеждать -- не самоуверен; кто умеет привлечь людей -- никогда не выказывает своего превосходства. Все это называется умением добиваться своего без борьбы, или еще -- умелостью в обращении с людьми. Это также можно назвать партнерством с самим небом. Этим владели в совершенстве только в древности.

§ 69

По поводу воинского дела говорится так: надо чувствовать себя не хозяином, а гостем; лучше отступить на шаг, чем первым ступить вперед на полшага. Это называют: действовать как бы бездействием. Нужно захватывать, не прикасаясь к телу противника, атаковать, как если бы в руках не было никакого оружия, занимать позицию так, как будто противника вовсе не существует. Нет ничего страшнее недооценки противника! Недооценка противника равноценна утрате всех своих преимуществ. Нужно как можно дольше избегать прямого вооруженного столкновения, потому что побеждает тот, у кого больше выдержки.

§ 70

То что я говорю, легко понять, еще легче -- выполнить. Но в

Лао Цзы Дао Дэ Дзин Трактат о пути и доблести filosoff.org
Поднебесной никто этого не понимает и не делает. У всякой речи есть резон, как у любого дела -- побуждение. Невежество сохраняется не оттого, что я толкую о чем-то непонятном, -- просто мало желающих слушать. Тем не менее знание мое все равно драгоценно! Таков удел мудреца: в простом одеянии, но с великим сокровищем за пазухой.

§ 71

Знание собственного незнания -- это прекрасно. Ужасно же "знание" невежды. Потому что знающий, что он болен. -- на пути к выздоровлению. Таков мудрец -- выздоравливает потому, что сознает что болен. Только поэтому.

§ 72

Когда народ перестает бояться власти, приходится браться за него по-настоящему. Но тогда у него пропадает привязанность к обжитым местам и забота о собственном потомстве. С ним никто не считается, и он ни о ком не заботится. Поэтому мудрец дает о себе знать, но себя не оказывает; старается возбудить к себе любовь, но не превозносится. Он занят не далеко идущими планами, а тем, что под рукой.

§ 73

Когда допускают свободу действий, это обязательно кончается разбоем; когда ее решительно пресекают, -- устанавливается довольно скучный порядок. И в том, и в другом состоянии общества есть преимущества и недостатки. Никогда неизвестно заранее, что именно ненавистно небу. Поэтому мудрец считает эту дилемму трудноразрешимой. Вообще говоря, путь неба -- побеждать без борьбы, получать отклик на невысказанные пожелания, принимать приходящих без приглашения и осуществлять планы, никем не задуманные. Но небо -- это небо: сеть огромная и хотя и редкая, но охватывающая всех без исключения.

§ 74

Если народ привык к казням, смерть как средство устрашения становится совершенно бесполезной. Однако если постоянно угрожать народу смертью, а на самом деле казнить редко, то все будут трепетать в момент вынесения мною приговора. Если не давать палачам сидеть без дела или действовать вместо них -- это будет все равно что плотничать вместо плотников. А кто возьмется плотничать вместо настоящего плотника, скорее всего поранится.

§ 75

Голод случается тогда, когда слишком много налогов на продовольствие. Из-за такого голода народ выходит из повиновения. Привести его к порядку в этом случае невозможно из-за излишней активности властей. Народ тогда презирает смерть, и как раз из-за того, что его желание выжить непреодолимо. Ибо мудр не тот, кто ценит нечто больше жизни, а тот, кто больше всего ценит жизнь.

§ 76

При жизни человек гибок и податлив; после смерти становятся твердым и жестким. Все вещи, деревья и травы пока живут -- мягки и гибки; после смерти они становятся сухими и ломкими. Потому и говорится: крепость и жесткость -- спутники смерти; мягкость и гибкость -- спутники жизни. Слишком жестким оружием победы не одержишь; и крепкое дерево свалят первым. Сильное и большое в конце концов терпит поражение; гибкое и податливое одерживает верх.

§ 77

Путь неба подобен натягиванию лука: когда верхний конец опускается, нижний -- поднимается. Там, где избыток, быть потерям; где нехватка -- жди пополнения. Таков путь неба: отнимать от избытков и восполнять нехватки. Не таков путь человека: здесь отбирают у бедности, чтобы увеличивать богатства. А от своего избытка одарить Поднебесную способны лишь приверженные пути. Так что мудрец действует, но не ждет благодарности; свершает деяния, но ими не хвалится, -- не желает обнаруживать свой ум.

§ 78

В Поднебесной нет ничего мягче и податливее воды, но она ореодолевает все самое твердое и жесткое, и никто не может ей противостоять. Поэтому нет и таких, кто бы ею пренебрегал. "Вода побеждает скалу, а слабость -- силу" -- это известно любому в Поднебесной, только вот никто не в состоянии этому следовать. Поэтому мудрецы и говорят: "кто принимает на себя всю грязь Поднебесной, становится хозяином алтарей Земли и Посева; кто принимает на себя все несчастья Поднебесной, становится в ней ваном". Верные суждения всегда как будто неверны.

§ 79

Гармония наступает после великих скорбей, иначе не бывает, но можно ли счесть эти скорби благом? Поэтому мудрец держится простых правил и не обременяет людей обязательствами. Он ведет себя так, будто у него есть право вести только текущие дела, и не устанавливает правил на завтра. Таков путь неба: у него не бывает любимчиков, но он всегда с теми, кто добр.

§ 80

Пусть царства будут маленькими, их население малочисленным. Даже если будет много всяких орудий, лучше ими не пользоваться. Пусть народ помнит о смерти и не пускается в дальние предприятия. И хотя лодки и повозки, конечно, останутся, лучше бы им не находилось применения. То же и с вооружением -- лучше бы оно нигде не понадобилось. И лучше всего было бы, если бы народ вернулся к узелковому письму. Еда казалась бы вкусной, одежда -- красивой, обычаи -- приятными, жилье -- удобным. Соседствующие в таких царствах видели бы друг друга, а петухи и собаки -- слышали бы. Народ бы жил там до глубокой старости и во всю жизнь никуда не стремился.

§ 81

Правдивая речь неискусна, искусная -- не правдива. Понимающий не блещет умом, блестящий едва ли много смыслит. Кто по-настоящему

Лао Цзы Дао Дэ Дзин Трактат о пути и доблести filosoff.org творит добро, делает это в меру; слишком уж щедрый вряд ли так уж добр. У мудреца нет ничего своего -- он живет умом других, и чем больше от них получает, тем больше им же и отдает. Но при этом и приобретает. Путь неба; приносить всем пользу, никому не вредя. Путь мудреца: делай, но ни с кем ни о чем не спорь!

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!